Шевченко, К.В. Политика Чехословакии в Лужицком вопросе в 1918–1919 гг / К. В. Шевченко // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 7 / редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск : БГУ, 2012. С. 29-40.

К. В. Шевченко

ПОЛИТИКА ЧЕХОСЛОВАКИИ В ЛУЖИЦКОМ ВОПРОСЕ В 1918—1919 гг.

Первая мировая война, затормозившая общественно-политическое и культурное развитие лужицких сербов, одновременно создала предпосылки для последующей активизации серболужицкого национального движения*. С началом войны была запрещена деятельность самой влиятельной серболужицкой национальной организации — «Домовины» и других серболужицких обществ, а также введена цензура над серболужицкими печатными изданиями. В этих условиях наиболее влиятельное среди лужицких сербов политическое течение, возглавляемое бывшим руководителем «Домовины» и депутатом парламента Саксонии А. Бартом, постепенно отказывается от диалога с саксонскими властями, ставя решение лужицкого вопроса в зависимость от военного поражения Германии. Именно в это время А. Барт произнес свой известный афоризм о том, что лужицкие сербы станут свободными лишь тогда, когда казацкие кони будут есть сербский овес.

К концу Первой мировой войны внимание серболужицких лидеров все больше привлекали чехи как потенциальные союзники серболужицкого национального движения. В свою очередь интерес к Лужице со стороны чехов в ходе войны значительно возрос. Чехословацкие легионы в России в 1917 г. в своей политической программе выдвинули принцип борьбы за все бывшие земли чешской короны, включая Лужицы. О возможности присоединения Лужиц к Чехословакии, если этого захотят сами лужицкие сербы, писал в своей «Новой Европе» Т. Г. Масарик. С приближением конца войны, когда достижение политической независимости чехами обретало реальные контуры, этот интерес усиливался, и политические мотивы, опиравшиеся на историческую традицию, занимали в нем все более важное место. Вопросы будущего политического устройства Лужицы чешская пресса начала обсуждать еще во время Первой мировой войны. Уже в мае 1918 г., размышляя над проблемой самоопределения малых народов, чешский славист и сорабист А. Черны, имея в виду приближающееся поражение Германии, писал, что хотя лужицкие сербы пока не выдвинули никакой национальной программы, это не означает, что они не поднимут знамя своих национальных требований в благоприятный момент. Черны указывал на многовековые политические и культурные связи чехов и лужицких сербов, подчеркивая, что в ходе предстоящих политических перемен лужицкие сербы должны получить как минимум широкую культурную автономию, более широкую, чем те культурно-языковые требования, которые лидеры серболужицкого движения выдвигали в 1848 г. [1]

Серболужицкое национальное движение в ноябре — декабре 1918 г. Поражение Германии в войне и Ноябрьская революция 1918 г. стали мощным катализатором серболужицкого наци-

* Лужицкие сербы, единственные уцелевшие до настоящего времени потомки некогда многочисленных полабских славян, к началу XX в. проживали на территории Верхней и Нижней Лужиц, входивших в состав Саксонии и Пруссии. В состав Саксонии входила южная часть Верхней Лужицы с историческим центром лужицких сербов г. Будишин (нем. Баутцен). В состав Пруссии входила вся территория Нижней Лужицы и северная часть Верхней Лужицы.

Шевченко Кирилл Владимирович — профессор кафедры публичного права Минского филиала Российского государственного социального университета; профессор (совместитель) кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, доктор исторических наук

онального движения. 13 ноября 1918 г. в Будишине (нем. Баутцен) был образован Серболужицкий национальный комитет (СНК) во главе с А. Бартом, выступивший с программой национальных и социально-экономических преобразований, выражавших интересы серболужицкого крестьянства. Первоначально программа предполагала административно-территориальное объединение всех лужицких земель в составе Германии и обеспечение национальных прав серболужицкого населения. Один из самых радикальных экономических пунктов программы предусматривал проведение аграрной реформы, заключавшейся в принудительном выкупе земли у помещиков-юнкеров и ее передаче крестьянам. Земельный максимум определялся в 80 га.

Лидер серболужицкого движения А. Барт, информируя славянское население Лужиц о создании Серболужицкого национального комитета и его требованиях, обратился со страниц «Сербских новин» ко всем лужицким сербам, католикам и протестантам с призывом поддержать деятельность национального комитета и вступать в его ряды [2]. Анализируя начальный этап деятельности Серболужицкого национального комитета, германский сорабист Ф. Ремес отмечал, что «национальный комитет не имел вначале ни четкой программы, ни зрелых организационных структур. Однако само существование подобного комитета было достаточным для того, чтобы он стал выразителем серболужицких культурных и экономических требований, формировавшихся на протяжении многих лет» [3, s. 126]. По мнению германского исследователя, серболужицкое национальное движение в своих первоначальных целях было вполне реалистичным. Действия СНК поддержали далеко не все слои серболужицкого населения. Так, весьма негативно к политическим планам СНК отнеслась часть серболужицкого католического духовенства, которое, как писал в своих мемуарах известный деятель серболужицкого национального движения Я. Цыж, «особенно активно выступало против курса на независимость и обращалось за посредничеством к немецким властям» [4, s. 97].

17 ноября 1918 г., т. е. четыре дня спустя после образования СНК, Лужицу инкогнито посетил А. Черны. Данный визит был санкционирован чехословацкими властями и имел своей целью, как об этом писал позже А. Барт в письме к О. Вичазу, стимулировать прочехословацкие настроения среди лужицких сербов и вести пропаганду за присоединение Лужицы к Чехословакии [5, s. 87]. Признание авторитета А. Черного в области сорабистики и заинтересованное внимание со стороны серболужицкой интеллигенции к предлагаемому им варианту решения лужицкого вопроса проявились в публикации известной статьи Черного «Лужица и мирная конференция», написанной еще в октябре 1918 г., в центральной серболужицкой газете «Сербске новины». Эта статья оказала определенное влияние на эволюцию политических взглядов руководителей СНК, которые, проводя в целом самостоятельную политику, прислушивались к мнению чешской стороны.

В своей статье А. Черны, ссылаясь на четвертый пункт программы Вильсона, писал о необходимости решения лужицкого вопроса на принципиально новой международной основе, что была призвана обеспечить предстоящая мирная конференция. «Наилучшим образом, — утверждал Черны, — судьба лужицких сербов была бы решена с их присоединением к чехословацкому государству. Если же будет невозможно объединить лужицких сербов с Чехией, которой они ранее принадлежали в соответствии с государственно-правовой традицией, и с чехословацким народом, которому они наиболее близки, то в этом случае они должны получить от мирной конференции право полного самоуправления в единой области, включающей обе соединенные Лужицы. Область этого самоуправления должна определяться в соответствии с этническими границами...» [6]. А. Черны стремился влиять на общественные настроения в Лужице и путем проведения исторических аналогий. Так, в своей статье о национальном движении лужицких сербов в 1848—1849 гг., опубликованной в журнале «Наше доба» в октябре 1918 г., Черны критиковал лидеров серболужицкого движения в середине XIX в. за неумение выработать и выдвинуть автономистскую программу, включающую в себя

требование административного выделения славянских районов Лужицы [7]. Осенью 1918 г. это звучало как напутствие и предостережение тем, кто был призван возглавить серболужицкое национальное движение после поражения Германии в Первой мировой войне.

Между тем, несмотря на очевидное влияние со стороны чехов, позиция СНК с самого начала отличалась известной самостоятельностью. Выступления А. Барта в серболужицкой печати в октябре — ноябре 1918 г. содержали требование территориального объединения Верхней и Нижней Лужиц в одну административную единицу и гарантий национальных и языковых прав сербов-лужичан. Манифестации серболужицкого населения, на которых выдвигались аналогичные требования, состоялись во второй половине ноября 1918 г. в ряде населенных пунктов саксонской Верхней Лужицы. В сформулированной А. Бартом программе серболужицкого национального движения, опубликованной 8 декабря 1918 г., предусматривалось объединение сербских Лужиц в единый административный район и обеспечение национальных прав. О присоединении к Чехословакии в это время не было сказано ни слова. Более того, Барт в это время особо подчеркивал, что лужицкие сербы не хотят быть объектом ассимиляции ни со стороны немцев, ни со стороны славян, будь то чехи или поляки [8, s. 213].

Свидетельством серьезной политической эволюции лидеров лужицких сербов явился первый меморандум СНК державам Антанты от 21 декабря 1918 г., в котором от имени лужицких сербов, «освобожденных благодаря победам Антанты», высказывалась просьба «установить протекторат над серболужицким народом и занять территории саксонской и прусской Верхней и Нижней Лужицы» [5, s. 73]. Новая позиция СНК нашла свое выражение в прокламации «К серболужицкому народу», изданной 1 января 1919 г. В прокламации провозглашалось, что Серболужицкий национальный комитет от имени всех лужицких сербов «на основании принципов Вильсона требует создания независимого серболужицкого государства, поскольку лужицкие сербы являются отдельным славянским народом, имеющим право, подобно другим славянским народам, самостоятельно выбирать свое будущее...» [9]. Таким образом, основное требование СНК в конце 1918 — начале 1919 гг. первоначально состояло в предоставлении административно-территориальной автономии, затем независимости лужицким сербам. О присоединении к Чехословакии, по крайней мере в официальных документах, речь в это время не шла.

Отношение чехословацкой общественности и официальной Праги к национальному движению лужицких сербов. Радикальные требования руководителей серболужицкого национального движения были встречены в соседней Чехословакии с пониманием и сочувствием. Чехословацкая пресса уделяла большое внимание освещению ситуации в Лужице и заинтересованно обсуждала перспективы серболужицкого национального движения в связи с предстоящей мирной конференцией, выражая полную поддержку радикальным планам серболужицких лидеров. Уже 27 октября 1918 г. (т. е. еще до провозглашения независимой Чехословакии) «Народни листы» опубликовали упомянутую выше статью А. Черного, в которой утверждалось, что самостоятельность Лужиц была бы лучше всего обеспечена путем присоединения к чехословацкому государству. Черны повторил мысль Масарика о том, что если лужицкие сербы захотят, они могут быть присоединены к Чехословакии [10, s. 99—103].

Корреспондент пражской газеты «Народ», информируя читателей о событиях в Лужице, писал 12 декабря 1918 г.: «Лужицкий вопрос также будет решен на мирной конференции. Наконец после поражения Германии пробуждение пришло и в Лужицу... Лужичане требуют для себя права на самоопределение. Невероятно, что этот остаток полабских славян сумел сохранить жизненные силы.... Как только ослабело давление со стороны правительства, лужичане сразу же взялись за дело, образовав Национальный комитет. Мы уверены, что усилия лужичан завершатся успехом и они будут либо присоединены к нашему чехословацкому государству, в состав которого они входили триста лет назад, либо образуют свое собственное государство» [11].

Особую активность в это время проявило созданное еще в 1907 г. в Праге чешско-лужицкое общество, руководители которого Пата и Гейрет 31 декабря 1918 г. опубликовали обращение «К чехословацкой общественности», в котором говорилось, что после вынужденного перерыва, вызванного войной, чешско-лужицкое общество возобновляет свою работу. О ее характере лидеры общества говорили достаточно открыто: «Мы начинаем действовать в то время, когда и наш самый малый славянский брат, лужицкий серб, добивается своего освобождения. Мы надеемся, что чехословацкая общественность с пониманием и поддержкой отнесется к нашим усилиям» [12].

4 января 1919 г. Пата и Гейрет обратились к министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу с просьбой оказать максимальную поддержку «нашим самым близким славянским братьям — сербам-лужичанам» на предстоявшей мирной конференции [13]. «Хотя нам известно, что лужицкие сербы сейчас сами ясно заявляют о своих правах и что в Вашем лице они уже имеют искреннего сторонника, а их интересы будут последовательно отстаиваться представителем нашего общества А. Черным, тем не менее мы адресуем эту просьбу и Вам, — писали руководители чешско-лужицкого общества. — Мы уверены, что Вы приложите все усилия для того, чтобы и эта славянская ветвь, так угнетаемая немцами, получила право на свою собственную национальную жизнь» [13]. Содержание и тон этого обращения свидетельствуют об оживленных контактах общества с официальными кругами. Наличие подобных тесных контактов подтверждает сохранившаяся в архиве памятников национальной письменности в Праге конфиденциальная записка, которую Я. Гейрет и Й. Пата направили чехословацкому правительству в декабре 1918 г. Записка ставила чехословацкое правительство в известность о возобновлении деятельности чешско-лужицкого общества и указывала причины, побудившие общество заняться развитием чешско-лужицкой взаимности. Эти причины Пата и Гейрет разделили на три группы: национальные, исторические и практические. Расшифровывая практическую целесообразность развития чешско-лужицкой взаимности для Чехословакии, авторы записки писали: «Славянский элемент в Лужице сейчас на краю гибели. Связь с чехословацким государством облегчит возрождение Лужицы. Вместе с тем интерес для чехословацкого государства будет иметь расширение области его влияния на север, что предполагает выход через Одру в Балтийское море... Просим правительство Чехословакии иметь в виду возобновление нашей деятельности и всячески поддерживать наши стремления» [13].

В феврале 1919 г. чешско-лужицкое общество выпустило листовку «К чехословацкой общественности», текст которой был опубликован в чехословацкой прессе. В листовке указывалось, что лужицкий вопрос стал вопросом международным, сообщалось, что министр иностранных дел доктор Бенеш вынес его на мирную конференцию, и выражалась уверенность, что мирная конференция даст сербам-лужичанам то, что им по праву принадлежит: свободу и независимость. Листовка призывала «всех добрых чехов» поддержать славянских братьев в Лужице и вступать в ряды чешско-лужицкого общества [14]. Чешско-лужицкое общество имело тесные деловые контакты как с лидерами серболужицкого движения, так и с влиятельными чехословацкими политиками. Используя эти связи, руководители чешско-лужицкого общества старались реализовать собственные представления о политическом будущем Лужицы и одновременно оказать поддержку радикальным планам СНК. В конфиденциальном документе, переданном президенту Масарику 21 января 1919 г., лидеры чешско-лужицкого общества предлагали создать особую канцелярию по делам Лужицы при чехословацком МИДе, установить самоуправление Лужицы под чехословацким контролем и занять территорию Лужицы чехословацкой армией или армиями Антанты [13]. В качестве главной причины занятия указывался «усиливающийся с каждым днем большевизм» [13]. По мнению авторов документа, реализация предлагаемых ими мер позволила бы установить «свободную связь чехов с лужичанами», избавить лужицких сербов от «преследований немецкого правительства», сохранить угольную промышленность Лужицы с тем, чтобы «заво-

ды не прерывали работу и рабочие не попали под влияние большевиков». «Благодаря этому, — подчеркивали лидеры чешско-лужицкого общества, — лужичане смогли бы воспользоваться выгодами других славян как союзников Антанты...» [13].

Конечной целью чешско-лужицкого общества было присоединение Лужицы к ЧСР, в то время как сами лужицкие сербы первоначально отдавали предпочтение созданию независимого лужицкого государства. Так, в сформулированной А. Бартом программе серболужицкого национального движения, опубликованной 8 декабря 1918 г., предусматривалось административно-территориальное объединение лужицких земель и обеспечение национальных прав. Вопрос о присоединении к Чехословакии был обойден молчанием. В январе 1919 г. СНК в выпущенном им обращении к серболужицкому народу со ссылкой на принципы Вильсона выступил с требованием создания независимой Лужицы. О присоединении к Чехословакии не упоминалось и в этом документе. Достаточно определенно по поводу перспектив присоединения Лужицы к Чехословакии высказался в начале 1919 г. серболужицкий официоз «Сербске слово», отражавший позицию СНК. В номере от 25 января 1919 г. «Сербске слово» писало, что «лужицкие сербы отдают решение своей судьбы в руки Антанты. Лужицкие сербы не имеют намерения ни оставаться в составе немецкого союза, ни основать вместе с чехами одну республику... Они хотят свободное серболужицкое государство. За это требование выступают сербы-лужичане обеих конфессий» [15].

Подобная позиция серболужицких лидеров не вполне устраивала руководителей пролужицкого движения в Чехословакии. В 1919 г. Й. Пата признавал, что принципы Вильсона о самоопределении народов не позволяли чехам самим выдвинуть и отстаивать требование о присоединении Лужицы, поскольку лужицкие сербы должны были сами решать свою судьбу [16, s. 66]. Двадцать лет спустя, вспоминая об этих событиях, Пата откровенно признавал, что позиция, занятая СНК во главе с Бартом, не во всем совпадала с планами чешско-лужицкого общества. Эта позиция, по словам Паты, «была несколько иной, чем та, которую хотели бы видеть чешские друзья Лужицы» [17, s. 240].

Вместе с тем есть основания полагать, что серболужицкие лидеры, нуждаясь в поддержке со стороны чехов, демонстрировали в ходе переговоров с ними известную гибкость, избегая возможных конфликтов и противоречий. Так, в протокольных записях о собрании чешско-лужицкого общества 9 марта 1919 г. (т. е. накануне отъезда А. Барта из Праги в Париж) упоминалось, что Барт «придерживается той точки зрения, что мы можем требовать Лужицу назад» [13]. Далее перечисляются причины, призванные обосновать необходимость присоединения Лужицы к Чехословакии — среди них исторические, этнические, правовые и пр. Скорее всего, Барт преследовал тактические цели, признав право чехов требовать присоединения Лужицы, поскольку сербы-лужичане остро нуждались в чехословацком покровительстве на мирной конференции, а лидеры чешско-лужицкого общества имели тесные связи с правительственными кругами. Сам Барт был уверен в совершенно искреннем стремлении чехов присоединить Лужицу к ЧСР. Тем самым он невольно приписывал стремление лидеров чешско-лужицкого общества чехословацкому правительству, истинные цели которого были более реалистичными и прагматичными.

5 февраля 1919 г. чехословацкая делегация представила участникам конференции в рамках своего меморандума отдельный меморандум «К серболужицкому вопросу», в котором выражалась воля СНК создать независимое серболужицкое государство и утверждалось, что будущее государство сербов-лужичан будет тесно связано с чехословацким государством [5, s. 90]. В своих мемуарах Барт упоминал о том, что министр иностранных дел Чехословакии Бенеш зондировал почву по поводу возможности присоединения к Чехословакии обеих Лужиц, но это предложение не нашло поддержки [5, s. 90]. В то же время, выступая с официальной речью на конференции 5 февраля 1919 г., Бенеш лишь упомянул о существовании лужицкой проблемы, подчеркнув, что ЧСР требует от конференции не присоединения лужи-

чан, а обеспечения их национальных прав и «стремится к тому, чтобы не дать ненемецким народам погибнуть в немецком море. Это вопрос в равной степени и моральный, и политический» [8, s. 215]. Современные чешские историки отмечают отсутствие интереса Антанты к присоединению Лужицы к Чехословакии, констатируя при этом, что «сейчас трудно определить, действительно ли Бенеш прилагал все усилия для присоединения Лужицы» [18, s. 37].

В середине февраля 1919 г. А. Барт на короткое время вернулся из Парижа в Будишин. 23 февраля 1919 г. он выступил перед собравшимися в будишинском отеле «Крона» лужицкими сербами, отстаивая концепцию независимого серболужицкого государства и опровергнув при этом слухи о возможном присоединении Лужицы к Чехословакии. Оптимизм Барта в отношении возможности создания независимой Лужицы, вскоре обнаруживший свою полную безосновательность, был следствием его аудиенции с английским премьер-министром Ллойд Джорджем и американским президентом Вильсоном. В ходе этой краткой аудиенции лидеры Британии и США «выразили Барту свои симпатии, которые, впрочем, никого ни к чему не обязывали» [19, s. 26].

Чехословацкая пресса с энтузиазмом освещала визит Барта в Будишин и его выступление на серболужицкой манифестации, избегая при этом упоминаний об отрицании серболужицким лидером перспектив присоединения Лужицы к Чехословакии. «Перед собравшимися выступил председатель Национального комитета Барт, рассказавший о своем участии в мирной конференции, — сообщал орган чешской аграрной партии «Венков». — Он подчеркнул... возможность образования независимого серболужицкого государства и глубокую заинтересованность участников конференции в решении лужицкого вопроса. Была принята резолюция, адресованная конференции в Париже, в которой выражалась поддержка Серболужицкому национальному комитету» [20]. В еще более розовых тонах описывал то же событие «Пражский вечер»: «Представитель лужицких сербов на мирной конференции Барт вернулся с радостными для лужичан известиями. По его прибытии из Парижа сербы собрались в Будишине численностью около двух тысяч... Конференция заверила, что национальные требования лужицких сербов будут выполнены и право самоопределения обеспечено» [21]. Вера в радикальное решение лужицкого вопроса была столь велика, что чехословацкая пресса часто выдавала желаемое за действительное.

Тесная связь, существовавшая в это время между серболужицкими политиками, чехословацким пролужицким движением и правительственными структурами ЧСР, выразилась в целом ряде инициатив и практических действий. В официальный состав чехословацкой делегации на мирной конференции в Париже был включен известный славист и идеолог чешского пролужицкого движения А. Черны. Членом чехословацкой делегации на мирной конференции был и глава СНК А. Барт, который смог попасть в Париж и заняться пропагандой лужицкого вопроса среди великих держав только благодаря поддержке официальной Праги. Часть документов СНК и его представителя на переговорах в Париже А. Барта была подготовлена непосредственно А. Черным. Хотя как «государственный чиновник, ограниченный рамками чехословацкой дипломатии, Черны не мог открыто выступать от имени Лужицы, тем не менее он стремился оказывать влияние на участников конференции. Вместе с А. Бартом он от имени СНК составлял меморандумы и обращения, направлявшиеся представителям Антанты...» [22, s. 57].

По инициативе Черного Барт встречался в Париже с чехословацким премьер-министром К. Крамаржем, которого он информировал о новых военных приготовлениях Германии, угрозу которых, по мнению Барта, можно было бы устранить с помощью войск Антанты. Крамарж устроил Барту интервью с французской газетой «Матэн», которая опубликовала его сообщение о военных приготовлениях Германии, не имевшее, впрочем, никакого резонанса [5, s. 149]. Барт также встречался с Бенешем и с секретарем президента Вильсона, пытаясь привлечь к лужицкой проблеме внимание США. Данная попытка оказалась безуспешной.

План освобождения германских военнопленных серболужицкой национальности и формирования из них серболужицких воинских подразделений, который Барт намеревался обсудить с секретарем Вильсона, провалился, хотя лидеры СНК связывали с этим планом большие надежды. Так, в листовке, выпущенной СНК 27 января 1919 г., сообщалось, что серболужицкие военнопленные уже переводятся в особые лагеря и вскоре получат форму с серболужицкой символикой, после чего вернутся домой [9]. Как выяснилось чуть позже, обещания авторов данной листовки были поспешными и не соответствовали действительности.

Лужицкие сербы получали существенную материальную помощь от чехословацких властей. Так, 30 июня 1919 г. МИД ЧСР выплатил чешско-лужицкому обществу 2000 крон на издание карты Лужицы и брошюры о национальном движении лужицких сербов [13], что активно использовалось в пролужицкой пропагандистской деятельности в Чехословакии. При содействии чешско-лужицкого общества чехословацкое правительство удовлетворило конфиденциальную просьбу А. Барта о присылке продовольственной помощи населению Лужицы. Позднее Й. Пата во время допросов в пражском гестапо вспоминал, что чехословацкий МИД отнесся с «должным вниманием» к данной просьбе А. Барта, в результате чего «в Баутцен было отправлено много железнодорожных вагонов с продовольствием» [23]. Существенную финансовую помощь чешско-лужицкому обществу оказывали чехословацкие банки и министерство просвещения, выделившее в декабре 1919 г. 10 000 крон на развитие чешско-лужицких культурных связей [13].

Впрочем, в отличие от славянских романтиков из чешско-лужицкого общества, искренне боровшихся за свободу Лужицы, официальные круги ЧСР рассматривали лужицкий вопрос с практической точки зрения в качестве дополнительного аргумента для благоприятного решения внешнеполитических задач, стоявших перед Чехословакией, в первую очередь вопроса о границах и о судетонемецком сепаратизме. Можно согласиться с мнением авторов многотомной «Истории лужицких сербов», полагавших, что «Бенеш использовал серболужицкое национальное движение в качестве противовеса сепаратистскому движению судетских немцев. Включив лужицкий вопрос в политическую игру, Бенеш добился признания северо-западных границ Чехословакии» [19, s. 26]. Подобной оценки придерживались и чехословацкие ученые Я. Петр и Д. Ковач, утверждавшие, что чехословацкая дипломатия, не достигнув успеха во второстепенных вопросах, «с лихвой компенсировала это, добившись признания так называемых исторических границ в чешских землях и оптимальных границ в Словакии» [24, s. 18]. О том, что официальная Прага не думала всерьез о присоединении Лужицы, а лужицкая тема была лишь тактическим элементом ее внешнеполитической игры, свидетельствуют донесения германского консула в Праге. Так, в конце ноября 1918 г., ссылаясь на высокопоставленные дипломатические источники в чехословацком МИДе, консул Германии в Праге сообщал в Берлин о том, что в серьезных политических кругах Чехословакии не помышляют о присоединении Лужиц [19, s. 29].

Эволюция серболужицкого национального движения в 1919 г. Требование независимого серболужицкого государства, выдвинутое СНК в январе 1919 г., было проигнорировано великими державами, что подтолкнуло серболужицких политиков к новому шагу: 11 апреля 1919 г. конференции был представлен очередной серболужицкий меморандум, требовавший от имени СНК присоединения независимого серболужицкого государства к ЧСР. Вскоре, однако, это требование было дополнено предложением образовать независимую и нейтральную Серболужицкую республику [25, s. 21]. Позиция, занятая серболужицкими политиками на мирной конференции, была, таким образом, крайне непоследовательной. Можно согласиться с мнением Я. Шолты, писавшего, что подобные колебания «указывали на неуверенность и слабость Национального комитета» [26, s. 150]. В любом случае очевидно, что лидеры СНК всерьез заговорили о возможности присоединения Лужицы к Чехословакии только тогда, когда их план создания независимого серболужицкого государства потерпел окончательное

фиаско. Вопрос о том, насколько искренним было проявившееся в апрельском меморандуме стремление СНК присоединить Лужицы к ЧСР, необходимо рассматривать с учетом как внутриполитической обстановки в Германии, так и тех представлений о характере будущего серболужицкого государства, которые сложились у лидеров серболужицкого движения.

Что касается первого обстоятельства, то на рубеже 1918/19 г. в Саксонии резко активизировалась античехословацкая и антисерболужицкая кампания. Индикатором общественных настроений в Саксонии являлись публикации в местной прессе, которая в панических тонах писала о «растущей чехословацкой опасности», о «призраке чешского вторжения в Лужицу» и о сепаратизме лидеров СНК [27]. В конце декабря 1918 г. «Баутценер Нахрихтен» обвиняла СНК в стремлении присоединить Лужицу к ЧСР и писала, что агитация за подобный аншлюс, ведущаяся сторонниками национального комитета, «убеждает чешских соседей в том, что они встретят у серболужицкого населения сердечный прием, вызывая у них самонадеянное желание требовать присоединения Лужицы к чешскому государству» [27].

В январе и феврале 1919 г. тон саксонской прессы становится еще тревожнее. «Баутценер Тагеблатт» 20 января 1919 г. писала об усилении чехословацких армейских формирований на баварской и саксонской границах, объясняя это стремлением чехов «поставить мирную конференцию перед свершившимся фактом» и призывая создавать добровольческие батальоны для охраны границ [28]. Вскоре «Баутценер Тагеблатт» опубликовала обращение «Ко всем немцам!», в самых драматичных выражениях изображавшее «ежедневно растущую ужасную опасность со стороны русских, поляков и чехов, рвущихся в немецкие земли» и призывавшее всех немцев вступать в добровольческие отряды и «помочь родине в минуту опасности» [29]. Против планов отделения Лужицы протестовал городской совет Будишина и ряда других лужицких городов, подавляющее большинство населения которых составляли немцы. Анализируя поведение местных немецких властей и немецкой прессы в это время, А. Черны замечал, что «немцы всерьез опасаются возможности отделения Лужиц» [30]. По словам Ф. Ремеса, «серболужицкое движение не было совершенно безопасным для немецкого государства, поскольку лужицким сербам при поддержке Чехословакии удалось заявить о своих требованиях на мирной конференции в Париже» [3, s. 18].

В марте 1919 г. власти Саксонии от тревожно-выжидательного наблюдения за серболужицким национальным движением перешли к решительным действиям, введя войска в славянские области Лужицы. Данная мера саксонских властей была обусловлена как их беспокойством в связи с радикализацией серболужицкого движения, так и занятием приграничных судетонемецких областей чехословацкой армией, что вызывало тревогу в Дрездене.

Подобное развитие событий было с тревогой встречено серболужицкими лидерами, усилив их ориентацию на Прагу. Однако возросшая ориентация на Чехословакию была скорее вынужденной мерой, вызванной неблагоприятным для лужицких сербов стечением обстоятельств. Это подтверждает тот факт, что в своих представлениях о будущем облике серболужицкого государства лидеры СНК исходили из весьма консервативных и клерикальных позиций, что приводило их к острым конфликтам с социал-демократами, влиятельными в то время в Саксонии. Нежелание социал-демократического министра Бука, с которым 17 ноября 1918 г. Барт вел переговоры, пойти навстречу СНК в школьном вопросе, а также страх перед «социализацией» земли и неприятие реформы образования и церковной реформы, по мнению Г. Цвара, и толкнули Барта на путь сепаратизма [5, s. 88—89]. Но в таком случае отношение лидеров СНК к Чехословакии, где социал-демократы и социалисты являлись одной из самых влиятельных политических сил, не могло быть намного лучше. Это свидетельствует о том, что перспектива присоединения Лужицы к Чехословакии могла восприниматься руководителями серболужицкого национального движения лишь крайне сдержанно.

Й. Пата в своих показаниях пражскому гестапо после оккупации Чехии Германией утверждал, что ни один из серболужицких меморандумов не был принят участниками мирной

конференции к сведению [23]. Неудачи двух первых, наиболее радикальных, вынудили руководителей СНК ограничить свои требования административно-территориальной автономией лужицких сербов в рамках Германии, что нашло выражение в трех летних меморандумах 1919 г. Но и это достаточно умеренное требование не было удовлетворено конференцией.

Попытки лужицких сербов добиться собственной государственности и выйти из состава Германии после Первой мировой войны оказались неудачными в силу ряда внутриполитических и внешнеполитических причин. Во-первых, сказалась общая малочисленность лужицких сербов, бывших меньшинством даже на территории исторических Лужиц, в силу чего их национальное движение не могло стать массовым. Ситуация осложнялась тем, что серболужицкое национальное движение охватило в основном территорию саксонской Верхней Лужицы, где проживало лишь около 20 % серболужицкого населения, слабо затронув прусскую Верхнюю Лужицу и почти не затронув Нижнюю Лужицу. Во-вторых, политика лидеров серболужицкого движения отличалась известными колебаниями и непоследовательностью. Если осенью 1918 г. серболужицкие политики выдвинули автономистскую программу, предусматривавшую сохранение Лужиц в составе Германии, то в январе 1919 г. они требовали образования независимого лужицкого государства, в апреле — вхождения Лужиц в состав ЧСР, а после неудач данных требований вернулись к автономистской программе, отвергнутой немецкими властями. Наконец, расчеты серболужицких руководителей на международную помощь оказались безосновательными. Кроме пролужицкого движения в Чехословакии, имевшего определенное влияние на официальную Прагу, никто не поддержал серболужицких требований. В условиях дестабилизации Германии и обострения межнациональных отношений в Центральной Европе великие державы не были заинтересованы в создании славянского мини-государства на ее территории.

Страны Антанты, стремясь максимально ослабить Германию на западе, не проявляли подобного стремления в отношении восточных областей немецкого государства. Так, 180-я статья подписанного 28 июня 1919 г. Версальского мирного договора, предусматривавшая уничтожение всех укреплений, расположенных на германской территории в 50 км к востоку от Рейна, в то же время констатировала, что система укреплений на восточной и южной границах Германии будет сохранена. Согласно статье 82 Версальского договора граница Чехословакии с Германией устанавливалась в соответствии со старой границей между Австро-Венгрией и Германией. Нежелание Антанты ослаблять Германию в условиях сложного внутриполитического положения и распространения большевизма в немецких землях (13 апреля 1919 г. была провозглашена Баварская Советская республика, просуществовавшая до начала мая) сказалось и на выработке положений в отношении национальных меньшинств. Обсуждавшиеся в ходе Парижской мирной конференции правовые нормы, направленные на защиту национальных меньшинств, в итоге не были включены в Устав Лиги Наций, вошедший в текст Версальского мирного договора.

Регулирование положения национальных меньшинств в рамках Лиги Наций было реализовано «путем создания системы обязательств, включенных в договоры и декларации, гарантом соблюдения которых выступала Лига Наций. Договоры о национальных меньшинствах были заключены с Польшей (1919), Чехословакией (1919), Королевством СХС (1919), Румынией (1919) и Грецией (1920). Кроме того, положения о защите меньшинств содержались в мирных договорах с Австрией, Болгарией, Венгрией и Турцией, а также в специальных конвенциях о Верхней Силезии и Мемельской области...» [31, s. 26]. Созданная в рамках Лиги Наций система защиты национальных меньшинств распространялась только на страны Центральной и Восточной Европы. Великобритания и Франция отказались взять на себя обязательства в отношении меньшинств, аргументируя это тем, что подобные положения являются «излишними для государств с развитой культурой, что подразумевало и уступки Германии...» [19, s. 32]. Попытки чехословацкой и польской дипломатии, а также главы СНК

А. Барта добиться законодательной защиты прав национальных меньшинств в Германии на Парижской мирной конференции потерпели неудачу. Барт напрямую апеллировал к мирной конференции, пытаясь убедить представителей великих держав в необходимости разработки правового механизма защиты национальных меньшинств в Германии. Однако все эти попытки завершились лишь «заверениями немецкой делегации в готовности начать переговоры с национальными меньшинствами о защите их прав, что не имело никаких правовых последствий, но было с удовлетворением воспринято Антантой» [19, s. 32]. Подводя итог мирной конференции с точки зрения положения меньшинств, авторы «Истории лужицких сербов» отметили, что «национальные меньшинства в Германии остались без какой-либо правовой защиты. В то же время положения об охране меньшинств предоставляли Германии возможность оказывать влияние на немецкие меньшинства за рубежом» [19, s. 33].

Причины нежелания Антанты поставить национальные меньшинства в Германии под защиту международного права объяснялись опасениями дальнейшего ослабления Германии в условиях растущего влияния большевизма и возможной дестабилизации страны. Член германской делегации на Парижской мирной конференции доктор Траутман, комментируя значение Версальского мирного договора, отмечал, что «тем самым лужицкий вопрос был окончательно признан внутренним делом Германии. Немецкой точке зрения в лужицком вопросе помогли опасения Вильсона и британцев перед расширением большевизма в Германии. В свете событий в Бремене, Брауншвейге и Мюнхене радикальные лозунги серболужицких вождей... не смогли вызвать доверие у союзных государств» [19, s. 33].

17 июня 1919 г. А. Барт обратился из Парижа с письмом к государственному министру Германии М. Эрцбергеру, в котором, ссылаясь на обещания немецкой делегации на Парижской мирной конференции, предлагал начать переговоры о территориальном устройстве Лужиц, об обеспечении равноправия серболужицкого языка и об изменениях в области образования, культуры и религии. Ответ на свои предложения Барт не получил, что явилось показателем истинного отношения немецких властей к вопросу обеспечения прав серболужицкого населения. 2 октября 1919 г. при пересечении германской границы Барт был арестован по обвинению в государственной измене и 19 января 1920 г. осужден к трехлетнему тюремному заключению. В ответ на эти действия немецких властей 25 января 1920 г. чешско-лужицкое общество провело чрезвычайное заседание, на котором было принято обращение в адрес Лиги Наций с осуждением ареста и заключения А. Барта. Обращение призывало Лигу Наций вмешаться в дело Барта и принять меры для «ограничения немецкого высокомерия должными рамками» [13]. После протестов, организованных чешско-лужицким обществом, а также после вмешательства чехословацкого правительства и лично президента Т. Г. Масарика 15 сентября 1920 г. Барт был освобожден из тюрьмы [8, s. 218].

Итоги серболужицкого национального движения в 1918—1919 гг. Решения Версальской конференции полностью проигнорировали лужицкий вопрос, что вызвало разочарование как лужицких сербов, так и чехословацкой общественности. Лужицкие сербы не получили не только независимости, но и какой-либо автономии. Административная раздробленность серболужицких земель полностью сохранялась. Само понятие «Лужица» и после войны продолжало оставаться лишь историко-географическим термином и не означало единой административной единицы. Территория Лужиц осталась разделенной между Пруссией (вся Нижняя и северная часть Верхней Лужицы) и Саксонией (южная часть Верхней Лужицы).

Оставление статуса лужицких земель без каких-либо изменений было воспринято членами чешско-лужицкого общества как поражение. Причины неудачи интересовали всех. Так, влиятельный «Слովански пршеглед» упрекал чехословацкую делегацию в том, что на конференции та недостаточно активно отстаивала интересы лужицких сербов и практически полностью отстранила от работы А. Черного [32, s. 16]. Но большинство обвинений высказывалось в другой адрес. Так, активист чешско-лужицкого общества М. Новы, комментируя

результаты конференции, писал: «Мы слышали много красивых слов, но видели мало достойных дел. Торговля свободой народов продолжается. Торгаши-англосаксы в лужицком вопросе поддержали немцев. Но это не конец. Теперь, когда лужицкие сербы должны получить от мирной конференции как минимум свои национальные школы, еще ничего не потеряно. Мы, чехи, были когда-то в таком же положении, как лужичане. У нас не было ни чешских городов, ни чешских школ. Однако благодаря национальной работе и национальному просвещению ожил чешский дух. Так будет и в Лужице...» [13]. Чехи, указывая на то, что мирная конференция не признала серболужицких требований, часто ссылались на «дополнения к Версальскому мирному договору», которые, по их мнению, «ставили сербов-лужичан под охрану Лиги Наций с гарантиями прав в области культуры, образования и религии...» [33].

В целом чехи высоко оценивали собственную роль в борьбе за благоприятное для лужицких сербов решение лужицкого вопроса. Лидер чехословацкого пролужицкого движения Й. Пата писал в 1920 г., что «с нашей помощью удалось добиться для Лужицы как минимум фундамента новой жизни: прав в области культуры, образования и в церковной сфере под защитой Лиги Наций. Это не много, но этого достаточно. Это означает возможность просвещения в национальном духе и возможность пропагандистской деятельности среди всех слоев народа... Лужицкие сербы должны переоценить не только всю свою предшествующую работу, но и все свои силы и возможности... Должно быть создано центральное руководство, которое бы объединило в своих руках все нити национальной деятельности» [34].

Несмотря на то что мирная конференция проигнорировала стремление польской и чехословацкой дипломатии добиться международного механизма защиты национальных меньшинств в Германии, правовой статус национальных меньшинств Германии в целом изменился к лучшему. Окончательное юридическое закрепление права нацменьшинств нашли в статье 113 Конституции Веймарской республики, которая запрещала ущемление прав нацменьшинств во внутреннем управлении, суде и в развитии их родного языка. «Иноязычные народы государства... не могут ущемляться в своем свободном национальном развитии, особенно в сфере использования родного языка в образовании, управлении и в суде» [35, s. 26], — гласила ст. 113 Конституции Веймарской республики.

Как в 1918—1919 гг., так и в течение всего межвоенного периода серболужицкое национальное движение получало весомую организационную и финансовую поддержку от правительственных структур, общественных организаций, а также от финансистов и промышленников межвоенной Чехословакии. Положение лужицких сербов широко освещалось на страницах межвоенной чехословацкой прессы, критически оценивавшей серболужицкую политику немецких властей и выступавшей в защиту национальных прав сербов-лужичан. Активные общественные и культурные контакты и разносторонняя помощь со стороны Чехословакии сыграли важную роль в сохранении национальной идентичности и языка славянского населения Лужицы. Чехословакия, которая активно опекала сербов-лужичан в межвоенный период, своей деятельностью во многом компенсировала отсутствие у них «собственного» национального государства за пределами Германии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Česká stráž. 1918. Číslo 5.
2. Česká stráž. 1918. Číslo 37.
3. *Remes, F. W.* Die Sorbenfrage 1918/1919. Untersuchung einer gescheiterten Autonomiebewegung / F. W. Remes. Bautzen : Domowina, 1993. 252 s.
4. *Cyž, J.* Hdyž so młody na puć podaš / J. Cyž. Budyšin : Domowina, 1983. 187 s.
5. *Zwahr, H.* Arnošt Bart-Brezynčanski / H. Zwahr. Budyšin : Domowina, 1981. 152 s.
6. Serbske nowiny. 21.12.1918. Čo. 51.
7. Naše doba. 1918. Č slo 10.

8. *Petr, J.* Nástin politických a kulturních dějin Lužických Srbů / J. Petr. Praha : Statní pedagogické nakladatelství, 1972. 342 s.
9. Serbski Kulturny Archiv (SKA), MS XIX, I B, Akty a materialije Serbskeho narodneho hibanja.
10. *Černý, A.* Lužická otázka / A. Černý. Plzen, 1918. 153 s.
11. Národ. 12.12.1918.
12. Národní politika. 31.12.1918.
13. Literární Archiv Památníků Národního Písemnictví v Praze (LA PNP), fond Adolf Černý — spolek, sign. 4-1/87.
14. Národní listy. 27. 2. 1919.
15. Serbske slowo. 25. 01. 1919. Čo. I.
16. *Páta, J.* Lužice / J. Páta. V Praze, 1919. 117 s.
17. *Páta, J.* Lužice / J. Páta. Praha, 1948. 279 s.
18. *John, M.* Čechoslovakismus a ČSR 1914—1938 / M. John. Beroun, 1994. 278 s.
19. Stawizny Serbow. Zwjazk 3. Wot 1917 do 1945. Budyšin : Domowina, 1976. 378 s.
20. Venkov. 26.02.1919.
21. Pražský večer. 28.02.1919.
22. *Chodějovský, J.* Sorabistika v osobním fondu Adolfa Černého / J. Chodějovský // Praha a Lužičtí Srbové. Sborník z mezinárodní vědecké konference ke 140. výročí narození Adolfa Černého. Praha : Společnost přátel Lužice, 2005. 276 s.
23. SKA, MS XLII, I B, Wo wuprajenjach J. Paty před Gestapo w Praze.
24. *Kováč, D.* Československá zahraničná politika a otázka Rakúska v rokoch 1918—1922 / D. Kováč // Slovanské štúdie 23-2. Bratislava, 1982. 185 s.
25. *Kapras, J.* Lužice a český stát / J. Kapras. Praha, 1935. 132 s.
26. *Šolta, J.* Abriss der sorbischen Geschichte / J. Šolta. Bautzen : Domowina, 1976. 237 s.
27. Bautzener Nachrichten. 28. 12. 1918. Nr. 301.
28. Bautzener Tageblatt. 20. 1. 1919. Nr. 15.
29. Bautzener Tageblatt. 29. 1. 1919. Nr. 23.
30. Česká stráž. 1919. Číslo 6.
31. *Pentassuglia, G.* Minorities in International Law / G. Pentassuglia. Strasbourg, 2002. 127 p.
32. Slovanský přehled. 1914—1924.
33. Českolužický věstník. 1920. Ročník I. Číslo 1.
34. Českolužický věstník. 1920. Ročník I. Číslo 6.
35. *Pastor, T.* Die Rechtliche Stellung der Sorben in Deutschland / T. Pastor. Bautzen : Domowina, 1997. 227 s.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена национальному движению Lusation сербов в Германии после Первой мировой войны в 1918—1919 гг. и ее отношениям с соседней Чехословакией. Хотя официальная Прага использовала лужицкое освободительное движение в качестве инструмента для достижения своих политических целей на международной арене, различные общественные организации Чехословакии поддерживали лужицкие попытки создать отдельную государственность. Тем не менее планы лужицких сербов получить политическую независимость, а затем присоединиться к Чехословакии или, по крайней мере, получить территориальную автономию в пределах Германии не удались, несмотря на активную поддержку этих попыток многочисленными чехословацкими общественными организациями.

SUMMARY

The article deals with the national movement of the Lusation Sorbs in Germany after the First World War in 1918—1919 and its relations with the neighboring Czechoslovakia. While official Prague used Lusatian liberation movement as a tool in reaching its own political goals on international arena, various Czechoslovak public organizations supported Lusatian attempts to create separate statehood. However, plans of the Lusatian Sorbs to gain political independence and later to join Czechoslovakia or at least to get territorial autonomy within Germany failed in spite of active support of those attempts by numerous Czechoslovak public organizations.

Статья поступила в редакцию 27 июня 2011 г.